

Мищенко В. В., кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского», филиал БГУ в г. Новозыбкове, РФ

Mishchenko V.V. Ph.D., associate professor FGBOU VO Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky"branch of BSU in Novozybkov, Russia

ХРИСТИАНСКИЕ МЕНЬШИНСТВА И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

CHRISTIAN MINORITIES AND THE CONFESSIONAL POLICY OF THE SOVIET STATE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

В статье проводится анализ поведенческих линий конфессиональных групп христианских меньшинств (старообрядцы, баптисты, евангельские христиане) и их отношение к Великой Отечественной войне. Также рассматривается изменение конфессиональной политики Советского государства. Советское государство и христианская общественность в годы Великой Отечественной войны возродило духовное образование и деятельность культовых учреждений. Однако дальнейшая реализация руководством страны конфессиональной политики шла в разрез относительно перспектив построения коммунистического общества.

The article analyzes the behavioral lines of confessional groups of Christian minorities (Old Believers, Baptists, Evangelical Christians) and their attitude to the Great Patriotic War. The change in the confessional policy of the Soviet state is also considered. During the Great Patriotic War, the Soviet state and the Christian community revived spiritual education and the activities of religious

institutions. However, the further implementation of the country's confessional policy by the country's leadership ran counter to the prospects for building a communist society.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, старообрядцы, баптисты, евангельские христиане, конфессиональная политика, государственно-конфессиональные отношения.

Key words: Great Patriotic War, Old Believers, Baptists, Evangelical Christians, confessional policy, state-confessional attitude.

К началу Великой Отечественной войны отношения между государством и конфессиональными организациями в СССР были сложными от нормальных. Определяющим принципом в отношениях Советской власти с религией был атеистический характер коммунистической идеологии. Подавление религиозного сознания являлось одной из программных задач партии большевиков. После тотального погрома церкви, произведенного Советской властью в 1929–1940 годах, положение всех конфессий накануне и в самом начале войны 1941 года было крайне тяжелым.

В годы Великой Отечественной войны представители всех конфессий воевали за свободу своей Родины, отбросив все идеологические разногласия, забыв о нетерпимости к религии со стороны государства. Актуальным представляется изучение участия представителей конфессиональных меньшинств – старообрядцев и конфессиональные группы протестантов в СССР, баптистов и евангельских христиан.

Эти конфессиональные группы «роднит» и то, что в 1930-е гг. они практически стояли на грани исчезновения из-за репрессивной религиозной политики советских органов власти.

Архиепископ Михаил [11, с. 174] и два епископа Трифон [15, с. 284] и Иоанн [7, с. 118] Древлеправославной Церкви («беглопоповского» согласия) были вынуждены скрываться от преследования официальных властей на юге – Орджоникидзиевский край, Грузинская ССР и Сталинградская область. Единственный остававшийся на свободе весь период гонений на старообрядцев до войны епископ Калужско-Смоленский Белокриницкой иерархии (Русская Православная Старообрядческая Церковь) Сава (Ананьев) в 1941 году возвел в сан архиепископа Московского и всея Руси вернувшегося из заключения епископа Иринарха (Парфенова) [8, с. 34] – он служил, в основном, в Покровском соборе на Рогожском кладбище [4, с. 554].

У евангельских христиан и баптистов дело обстояло еще менее благополучно. Руководящий орган баптистов — Всесоюзный совет баптистов — перестал действовать в 1935 году, а спустя три года, в 1938 году, практически прекратил свою деятельность Всесоюзный совет евангельских христиан. Из Совета евангельских христиан уцелела едва ли не половина состава. Союз баптистов фактически был обезглавлен, так как его председатель Н. Одинцов погиб в лагере. Все церковные здания у общин отобрали, а из молитвенных домов евангельских христиан и баптистов на начало войны действовало лишь четыре: в Москве, знаменитый дом в Малом Трехсвятительском переулке, Ленинграде, Новосибирске и Ульяновске.

В то же время довольно ощутимая часть населения РСФСР на начало Второй мировой войны сохранила приверженность своим конфессиям. Так, по Почепскому району Орловской области (ныне Брянской области) о сохранившейся накануне войны религиозности населения говорят следующие цифры. В селе Третьяки из

56 дворов 88 человек при переписи назвались православными, 5 – баптистами, 26 – безбожниками. По участку № 3 г. Почепа 86 записались православными, 5 – безбожниками, по участку № 118: 49 – православными, 3 – безбожниками, по участку № 122 г. Почепа: 40 – православными, 6 – безбожниками [6, с. 316–320]. В Смоленске: 24 100 жителей записались православными, 1 128 – верующими других конфессий, в основном евангельскими христианами и баптистами, и только 201, что составляет менее 1%, – неверующими [6, с. 316–320]. Подобное положение складывалось повсеместно – в других городах РСФСР неверующими называли себя от 1 до 4% населения. Этот вывод подтвердили и результаты проведенной в стране переписи. Из 97 521 тыс. человек 55 278 тыс. (56,7 %) заявили о себе как о верующих [2, с. 106–107]. В феврале 1937 года в докладной записке на имя секретарей ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановича, А. А. Андреева, Н. И. Ежова «О состоянии антирелигиозной работы» было сказано: «...полное закрытие церквей и молитвенных домов в ряде районов РСФСР не привело к снижению религиозности населения» [6, с. 316–320].

С началом Великой Отечественной войны Правительство Советского государства было вынуждено отказаться от репрессивной конфессиональной политики и перейти к практике частичных уступок в интересах религиозного населения страны. Продолжение конфронтации во взаимоотношениях между конфессиями и государством в условиях войны было чревато расколом в рядах трудового тыла, а также делало государственную власть уязвимой со стороны верующего населения. Правительство вынуждено было обуздать свой воинствующий атеизм, заменить его более лояльной по отношению к религиозным объединениям государственно-конфессиональной политикой. В свою очередь, конфессии заняли в трудные для страны дни патриотическую позицию. Так, в первый же день войны глава Русской православной церкви – местоблюститель патриаршего престола Сергей обратился с посланием «К пастырям и пасомым Христовой православной церкви» [3, с. 387–389], в котором заявил о неразрывных исторических связях Русской православной церкви с судьбами Родины и призвал всех верующих встать на ее защиту. Аналогичные обращения приняли и другие религиозные организации. Первосвященитель Древлеправославной церкви Иринарх обратился к пастве с архипастырским посланием. В нем говорилось: «Старообрядцы никогда не были изменниками Родины. Они до последней капли крови защищали свое родное отечество. Мы уверены, что в годину тяжелых испытаний, которые нам в настоящее время приходится переживать, старообрядчество, также верное своим вековым традициям, дружно даст отпор коварному врагу, посягнувшему на наши священные границы» [8, с. 24–26].

Война поставила церковь евангельских христиан в очень сложное положение, потому что из гонимой в любой момент она могла превратиться во вражескую церковь. На это существовали свои причины. Первая – на оккупированных территориях стали открываться не только православные храмы, но и молитвенные дома евангельских христиан и баптистов. Положение протестантов отличалось от православных верующих тем, что у них было множество братьев по вере среди немецких солдат. В условиях кровопролитной войны это выглядело непозволительным. Вторая отличительная черта протестантов – пацифизм, корни которого уходили в XIX век, к менонитам и писателю графу

Льву Толстому. Можно себе представить, как должны были в военных условиях относиться к пацифистам. Всесоюзный Совет евангельских христиан в первые же дни войны разослал по всем общинам письмо с призывом активно выступить на защиту Родины. Исполняющий обязанности председателя Союза Михаил Орлов выпустил 28 июня 1941 года письмо ко всем членам церкви евангельских христиан. В нем не только говорилось о полной поддержке правительства в войне с Германией, что было естественно. Значительная часть письма посвящалась объяснению законности и обоснованности военной службы. Союз решительно встал на защиту тех членов, кто в первые дни войны сразу ушел на фронт, и осудил пацифистов. Это стало причиной издания целого ряда писем и богословских посланий, посвященных вопросу службы в армии верующих. Самым знаменитым было «Письмо по военному вопросу» руководства евангельских христиан и брошюра «Христианин и родина», написанная членом Совета евангельских христиан В. Урштейном.

«Письмо по военному вопросу» содержало взгляд на войну, на оружие с христианской точки зрения: «Что говорит Библия об употреблении оружия? Она говорит, что меч (оружие) может быть Божиим мечом». Всесоюзный Совет евангельских христиан и баптистов в своем послании призывал паству встать в ряды бойцов Красной Армии, работать в тылу: «Опасность для Евангелия велика... Дорогому для всех христиан имени Христа Германия желает противопоставить имя кровавого фюрера. Пусть каждый брат и каждая сестра исполняет свой долг перед Богом и перед Родиной... Будем мы, верующие, лучшими воинами на фронте и лучшими работниками в тылу! Любимая Родина должна остаться свободной...» [12, с. 2]. Письмо-воззвание, а также сближение между работниками Союзов евангельских христиан и баптистов привело в 1942 году к образованию Временного совета евангельских христиан и баптистов в Москве. В его состав от евангельских христиан вошли М. А. Орлов, Я. И. Жидков, А. Л. Андреев и А. В. Карев; от баптистов – М. И. Голяев, Н. А. Левинданто, П. И. Малин и Ф. Г. Патковский [9, с. 230].

Знаковым событием в развитии взаимоотношений между конфессиями и Советским государством, наполнявшихся в условиях войны новым патриотическим содержанием, стала встреча И. В. Сталина с ведущими иерархами – митрополитами Сергием (Старгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем) 4 сентября 1943 г., на которой были обсуждены актуальные вопросы возрождения церковной организации и где Русская православная церковь получила разрешение на формирование канонических органов управления [10, с. 90]. Кроме разрешения на избрание и последующее избрание Архиерейским Собором предстоятеля Русской православной церкви с титулом «Патриарх Московский и всея Руси» митрополита Сергия [13, с. 650], результатами этой встречи стали: образование Духовного управления мусульман Средней Азии (1943 г.), Северного Кавказа и Дагестана (1944 г.), Закавказья (1944 г.) [14, с. 147]; Совета евангельских христиан-баптистов (1945 г.), регистрация и других конфессий. Кроме этого, «Союз воинствующих безбожников» прекращает свое существование. Также с целью урегулирования отношений с верующими и «соблюдения советской законности» были учреждены два новых государственных органа, ведавших делами религиозных объединений. В сентябре

1943 г. по распоряжению И. В. Сталина учрежден Совет по делам Русской православной церкви. Постановлением СНК СССР от 19 мая 1944 г. учреждается Совет по делам религиозных культов при СНК СССР как орган, призванный осуществлять связь между правительством и руководителями религиозных объединений всех конфессий, кроме православной. На Совет по делам религиозных культов Советом Министров СССР было возложено осуществление контроля за соблюдением, правильным применением и исполнением всех законодательных актов, относящихся к религии [1, с. 32].

С этого исторического момента началось «потепление» в отношениях между конфессиями и государством, однако конфессии непрестанно пребывали под государственным контролем, и любые попытки расширения культовой деятельности конфессии.

Таким образом, сложившиеся государственно-конфессиональные отношения к 1940 г. в рамках репрессивной политики пришлось изменить с началом Великой Отечественной войны. Советское государство и общественность в небольшой исторический период времени обустроило и упорядочило руководство как традиционными для страны конфессиями – православие и ислам, так и конфессиональные меньшинства – старообрядчество, баптизм и др., возродило духовное образование и деятельность культовых учреждений. Однако дальнейшая реализация руководством страны конфессиональной политики шла в разрез относительно перспектив построения коммунистического общества.

Литература и источники

1. Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы, 1939–1958: Дискуссионные аспекты / редкол.: Г. П. Мурашко, М. И. Одинцов; РАН Ин-т славяноведения. – М., 2003. – 380 с.
2. Всесоюзная перепись 1937 г. Краткие итоги / Ю. А. Поляков М., 1991. – 238 с. [и др.].
3. Государство Российское: власть и общество: с древнейших времён до наших дней: Сборник документов: учебное пособие для вузов / под ред. Ю. С. Кукушкина. – М., 1996. – 527 с.
4. История Русской Православной Церкви. Новый Патриарший период / М. Б. Данилушкин [и др.]. – СПб., 1997. – Т. 1. 1917–1970.
5. Епископы Русской православной старообрядческой церкви в 1930-х гг: Библиографический словарь // Во время оно... История старообрядчества в свидетельствах и документах. Приложение к журналу «Церковь». – 2009. – № 5. – С.3 – 40.
6. Записка Отдела культпросветработы ЦК ВКП(б) секретарям ЦК ВКП(б) Кагановичу Л. М., Андрееву А., Ежову Н. И. о состоянии антирелигиозной работы. Февраль 1937 г. // Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М. : Изд-во Библейско-Богословского Института св. апостола Андрея, 1996.
7. Вургафт С.Г., Иоанн (Спиридон Киприанович Калинин) / С. Г. Вургафт, И. А. Ушаков // Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря / С. Г. Вургафт, И. А. Ушаков. – М., 1996. – 118 с.
8. Иринарх. Епископы Русской Православной Старообрядческой Церкви в 1930-х гг // Во время оно. Приложение к журналу «Церковь». – 2009 г. – Вып. № 5.
9. История евангельских христиан-баптистов в СССР. М., 1989. – 624 с.
10. Куроедов, В. А. Религия и церковь в советском обществе / В. А. Куроедов. – М., 1984.
11. Михаил (Кочетов) // С. Г. Вургафт, И. А. Ушаков // Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря / С. Г. Вургафт, И. А. Ушаков. – М., 1996. – 118 с.
12. Письмо по военному вопросу к евангельским христианам и баптистам СССР Всесо-

юзного Совета евангельских христиан и баптистов. – М., 1942.

13. Русское православие. Вехи истории / под ред. А. И. Клебанова. – М. : политиздат, 1989. – 719 с.

14. Саидбаев Т. С. Ислам и общество. Опыт историко-социологического исследования / Т. С. Саидбаев. – М., 1978.

15. Вургафт С. Г., Трифон (Тимофей Фомич Епишев) // С. Г. Вургафт, И. А. Ушаков. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря / С. Г. Вургафт, И. А. Ушаков. – М., 1996. – 118 с.

Мищенко Т. А., кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского», филиал БГУ в г. Новозыбкове, РФ

Mishchenko T.A., Ph.D., associate professor FGBOU VO Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky"branch of BSU in Novozybkov, Russia

**КАЧЕЛИ, ИЛКА, ПЫЖИ, КАМЕНЬКИ: КАК ИГРАЛИ, РАБОТАЛИ,
ВЫЖИВАЛИ «ДЕТИ ВОЙНЫ» В 1941-1943 ГГ.
SWING, ILKA, WADS, STONES: HOW THEY PLAYED, WORKED,
SURVIVED THE "CHILDREN OF WAR" IN 1941-1943.**

Исследование на основе устных историй, собранных студентами НФ БГУ, опубликованными воспоминаниями сельских и городских жителей юго-запада Брянщины, которые в детстве и раннем подростковом возрасте пережили период оккупации и освобождение края в 1941–1943 гг. Приводится также несколько эпизодов воспоминаний жителей сел Добрушского района Гомельской области. Автор обращает внимание на контраст поведения захватчиков: большую жестокость при оккупации сел Восточной Беларуси, явную ненависть жителей к немцам. На Брянщине «дети войны» почти не ощутили присутствие немцев, в их рассказах возникают другие нации захватчиков, местные полицаи, власовцы. Различаются воспоминания по месту проживания детей – город или деревня, по возрасту.

Research based on oral stories collected by students of the NF BSU, published memoirs of rural and urban residents of the southwestern Bryansk region, who in childhood and early adolescence survived the period of occupation and liberation of the region in 1941-1943. There are also several episodes of recollections of the residents of the villages of the Dobrush district of the Gomel region. The author draws attention to the contrast in the behavior of the invaders: the great cruelty during the occupation of the villages of Eastern Belarus, the obvious hatred of the inhabitants towards the Germans. In the Bryansk region, the "children of war" almost did not feel the presence of the Germans, in their stories other nations of invaders, local policemen, Vlasovites appear. Memories differ according to the place of residence of children - city or village, age.

Ключевые слова: «дети войны», оккупация, юго-запад Брянщины, Восточная Белоруссия, устные истории.

Keywords: "children of war", occupation, south-west of Bryansk region, Eastern Belarus, oral histories.

Изучение повседневности мирного населения в период Великой Отечественной войны – относительно новая тема исторических исследований. Сложнее изучать то, что не является подвигом, явным проявлением героизма, примером подражания потомкам. Однако достоинство людей, выживание в условиях тотальной войны, сопряженной с беспрецедентной жестокостью к мирному населению, составляет важную часть исторической памяти о трагедии войны.